

— Как ты вообще умудрился сдать экзамены в Ассоциацию академий?

Эрвин посмотрел на него с недоумением.

— Прежде чем я отвечу, может, объяснишь, чем ты тут занимаешься?

— Прибираюсь, господин Герман! — Шлиффен, как раз сдиравший обшивку со старого матраса, удивленно обернулся. — Здесь пыли больше, чем мне лет. Спать на таком я физически не способен. А вам, значит, хоть бы что?

Эрвин перевел взгляд на матрас в его руках и совершенно серьезно кивнул.

— Уму непостижимо... — Прозвучало совсем не то, чего ожидал Шлиффен. — Как вы вообще дожили до своих лет без хронической инфекции дыхательных путей?

— Полагаю, всё благодаря моей чудесной ученице, — Эрвин на мгновение задумался, вызывая в памяти прошлое. — Наверное, в такой грязи мне спать и правда не приходилось. Хотя, случись что, я бы уснул. Моя девочка была на редкость педантичной: регулярно выбрасывала из моего холодильника просроченные продукты и, надо полагать, заодно меняла постельное белье.

Ободрав матрас, Шлиффен принялся за пол. Комната казалась почти пустой, но стоило начать уборку, как отовсюду полезли горы хлама.

— Такое ощущение, будто ты собрался обосноваться здесь навсегда, — заметил Эрвин.

— А у меня есть выбор? — Шлиффен заглянул под кровать и, к своему изумлению, выудил оттуда пачку древних бумажных купюр. — Уйти отсюда пешком? Увы, обитаемые планеты имеют скверное свойство быть круглыми.

— О! Кажется, это мои деньги, — искренне обрадовался Эрвин.

— Раз не помогаете, катитесь на выход. Тут и так не развернуться, — бросил Шлиффен, безжалостно швыряя пачку в кучу мусора. — Или всё-таки поможете?

Эрвин лишь развел руками, выражая искреннее сожаление.

— Раз уж от вас работают одни глаза, извольте оказывать поддержку с безопасного расстояния, — Шлиффен подошел и бесцеремонно оттащил инвалидное кресло на пару шагов назад.

Вернувшись к уборке, тюремщик оставил кровать в покое и принялся за письменный стол.

— Так, а это еще что? — Шлиффен вытащил из щели между стеной и столом узкую тетрадку.

Эрвин, как раз незаметно жестикулировавший Ивэню, чтобы тот вытащил купюры из мусорной кучи, скосил глаза на брезгливую мину надзирателя.

— На досуге я люблю раскрашивать картинки.

Шлиффен лениво пролистал несколько страниц.

— Хлам, — вынес он вердикт и швырнул тетрадь вслед за деньгами.

Эрвин промолчал.

Шлиффен слегка подпихнул ногой старого робота, прогоняя его подальше.

— Я как-то отвалил кучу денег за кошку. Древние земляне держали их дома ради забавы, вот и мне захотелось попробовать. Но однажды я вернулся и обнаружил, что эта тварь опрокинула стойку аудиосистемы. Несчастное мелкое млекопитающее умудрилось с головы до лап перемазаться в жидких цветных компонентах из разбитых блоков. Оно металось по комнатам и светилось всеми цветами радуги. Жуткое было зрелище.

— И что ты сделал?

— Что сделал? — Шлиффен ловким движением выхватил из манипулятора Ивэня многострадальные купюры и снова отправил их в мусор. — Твоя мазня, Герман, пугает меня гораздо сильнее той кошки.

Эрвин ненадолго задумался.

— Не преувеличивай. Моя ученица говорила совершенно обратное.

— Это которая?.. — Шлиффен на секунду наморщил лоб. — Анни Шуберт, о которой ты только что упоминал?

— Именно она. Сейчас она занимает пост вице-председателя Ассоциации академий. В свое время она окончила профессиональную художественную академию, так что со вкусом у нее все в порядке.

— Ну-ну, — Шлиффен выудил книжонку обратно из кучи хлама и изучил корешок. — Похоже,

твоя дорогая ученица просто деликатно вешала тебе лапшу на уши.

Он ткнул корешком прямо под нос Эрвину. На нем четкими буквами общегалактического языка было выведено: «Для детей от 12 до 16 лет».

— О... — Эрвин растерянно моргнул. — О... — Он глубоко задумался на добрую минуту. — О... Что ж, тогда действительно выброси её.

— Вы ранили его в самое сердце, — подал голос Ивэнь. — Даже его удаляющийся силуэт источает беспросветную серую тоску.

Шлиффен, увлеченно стиравший пыль с полки, легонько щелкнул робота по металлическому корпусу:

— У него инвалидное кресло серого цвета. С чего бы его силуэту отливать золотом?

Ивэнь промолчал.

— Ступай лучше приготовь обед, — Шлиффен сгреб охапку мусора с пола. — Или мне тебя тоже на свалку определить?

— Грубиян бездушный! — на корпусе Ивэня сердито замигал красный светодиод. — Сделай же с ним что-нибудь, Эрвин! Твой новый гость просто невыносим. Ладно, иду я за вашим обедом.

Проходя мимо Эрвина, робот продолжал тихо и обиженно ворчать. Шлиффен обернулся на этот бубнеж и застыл: Эрвин, этот самый «воплощенный серый силуэт», беззвучно, но так неистово хохотал, что умудрился соскользнуть со своего сиденья на пол.

Шлиффену пришлось бросить мусор, подойти к профессору, бережно подхватить его на руки и устроить обратно в кресло.

— Пожалуйста, не пристегивай ремень, — попросил Эрвин, когда надзиратель потянулся к фиксаторам.

— Это небезопасно.

— Обещаю быть аккуратнее. Знаешь, я пока не очень привык к тому, что стал калекой.

Когда он впервые очнулся после операции и понял, что его спинномозговые нервы безвозвратно перерезаны, ему было по-настоящему тяжело. Знать финал заранее — это одно, но пережить его физически, пропустив через себя всю боль — совсем другое.

— Из тебя вышел паршивый преступник, — Шлиффен все-таки защелкнул ремень безопасности на его талии. — У тебя проснулось желание пооткровенничать.

— С чего такие выводы?

— Это один из приемов на допросах. Если слишком наседаешь с вопросами, объект закроется и уйдет в глухую оборону. Но если упорно лишать его возможности высказаться, в нем рано или поздно вскипит непреодолимая потребность излить душу.

— Ты тоже не очень-то похож на образцового копа. Уж слишком мягок с заключенным.

— Если бы хорошая служба измерялась лишь слепым исполнением приказов, я бы пристрелил тебя еще при первой нашей встрече.

— Действительно, — Эрвин мысленно вернулся к моменту их первой встречи. — Ты ведь тогда так и не спустил курок. Почему?

— Потому что ты протянул мне руку помощи, когда я был на волосок от гибели.

— И только-то?

— И только-то... — Шлиффен нахмурился. — Эй, и что тут смешного? Рано радуешься, приятель. Спорим, сейчас тебе станет не до смеха?

Тюремщик вытащил из своего походного ранца плотный рулон медицинского бинта.

— И что ты задумал? — Эрвин все еще беззвучно посмеивался.

Шлиффен опустился перед ним на корточки, снял с его ног легкую обувь и аккуратно закатал штанины.

— Раз твои спинномозговые нервы мертвы, кровь в нижних конечностях будет застаиваться. Чтобы избежать некроза тканей, ногам нужна постоянная внешняя компрессия. Этот армейский эластичный бинт — отличная штука. Заодно и форму ног подкорректируем, будут как у модели.

С этими словами Шлиффен принялся ловко и туго пеленать его голени.

Омеги, как и прочие гендеры, разделялись на мужчин и женщин, но какой бы ни была твоя репродуктивная роль, взрослому мужчине вряд ли доставит удовольствие вид собственных ног в обтягивающем трико.

— Ивэнь! — позвал Эрвин показавшегося в дверях робота. — Скажи, я ведь сейчас чертовски похож на девицу в плотных чулках?

Ивэнь, как раз притащивший из кладовой свежие тюбики с питательной смесью, серьезно оценил картину:

— Абсолютно правы, господин Герман. Вы выглядите невероятно пикантно, прямо как прима-балерина перед выходом на сцену.

Эрвина сокрушил новый приступ смеха.

Шлиффен лишь обреченно покачал головой. Забрав у древней машины порцию серого геля, он недовольно буркнул:

— Слушай, если ты еще бог весть сколько лет назад облюбовал это место под свое секретное логово, почему нельзя было запастись питательными смесями с нормальными вкусами? Почему здесь только эта безвкусная дрянь?

— Ну, военные ведь тоже не догадались выдать тебе бинты повеселее, — Эрвин с усмешкой оглядел свои туго забинтованные ноги.

Вместо ответа Шлиффен бесцеремонно заткнул ему рот пластиковой трубочкой тюбика.

Шлиффен никогда ни о ком не заботился. Ту несчастную кошку, за которую он когда-то отвалил баснословную сумму, он в итоге сплавил одному из санитаров в тюрьме. В благодарность коллега подарил ему отличную аудиосистему. И когда Шлиффен сидел в своей тихой гостиной, наслаждаясь чистым звуком, он раз и навсегда похоронил любые мечты о домашних питомцах.

Убивал ли Эрвин его иллюзии сейчас? Шлиффен не знал.

Но то, как этот человек сосредоточенно посасывал питательную смесь из пластикового горлышка, завораживало. Шлиффен ловил себя на мысли, что готов созерцать эту картину часами.

— Кх!.. — Эрвин резко выронил трубочку изо рта, его лицо мгновенно исказилось от внезапной судороги.

— Что случилось?! — Шлиффен мгновенно подался вперед.

— Боль... — прохрипел профессор, сиюсь сдерживать рвущийся из груди стон. — Опять... Черт, как же больно!

— Держись! Сейчас, анальгетик!

— А-а-а!.. Пресвятая дева... а-ах!

Эрвину казалось, будто через его тело пропустили чудовищный электрический разряд. Мириады раскаленных игл одновременно вонзились в спинной мозг и принялись там бешено вращаться. Каждый вдох давался с нечеловеческим трудом, словно он хрипел через открытую рану. Удушливая волна накрыла его с головой. Он широко распахнул глаза, но из-за подскочившего давления зрение затуманилось, превращая мир в сплошное серое пятно.

Комната закружилась в безумном вихре. К горлу подкатил спазм, и он мучительно закашлялся, захлебываясь подступившей желудочной кислотой.

Сквозь пелену слез и бреда он смутно почувствовал, как расстегнулся замок ремня безопасности. Кажется, Шлиффен лихорадочно вкалывал шприц за шприцем в его парализованное, бьющееся в конвульсиях тело, но в этот раз препараты не принесли мгновенного облегчения. Мир вокруг взрывался, осыпаясь острыми осколками, сознание угасало. И в этой расширяющейся темноте перед его мысленным взором внезапно возникли очертания величественного здания Ассоциации академий. Он скользил по его мрачным подвалам, пока не уперся в глухую дверь в самом конце ослепительно белого коридора.

Там, внутри, он лежал распятым на холодном ложе аппарата жизнеобеспечения. Кто-то равнодушно нажал на панели управления мерцающую кнопку.

И в то же мгновение его тело начало распадаться на части, буквально растворяясь в стерильном воздухе. Он отчетливо видел, как плоть разрывается на лоскуты, а сквозь рваные раны наружу медленно wypлывают внутренние органы.

Человек у пульта что-то весело напевал под нос, методично делая пометки в планшете. Он обернулся и мягко, ободряюще улыбнулся:

«Потерпи еще немного. Эксперимент уже близится к концу»

И каждый парящий в пустоте окровавленный осколок его собственного «я» вторил этому голосу:

«Эксперимент почти завершен... Всё почти закончилось...»

— Держись!.. Слышишь меня, держись! Эрвин, посмотри на меня! — Шлиффен отчаянно бил его по щекам. — Эй! Эрвин!

— А-ах!.. — Профессор судорожно втянул ртом воздух, словно вынырнул из ледяной бездны.

— Ты как? Пришел в себя? — Шлиффен торопливо вытирал холодный пот, крупными каплями катившийся по бледному лицу Эрвина.

Когда дикая боль наконец отступила, её место заняла невыносимая, выворачивающая наизнанку тошнота.

— Меня сейчас вырвет... — простонал Эрвин.

Ему безумно, до дрожи хотелось вцепиться в кого-нибудь, сжать пальцы хоть на чем-то осязаемом, но его конечности оставались мертвыми и неподвижными.

Шлиффен крепко прижал его к себе, не давая упасть:

— Тихо, тихо, расслабься. Лекарство начало действовать.

Эрвин медленно сфокусировал взгляд, возвращаясь к реальности:

— Где мы?..

— Снаружи, на воздухе, — Шлиффен быстро стянул с себя плотную куртку военного образца и расстелил её прямо на траве. — Сильно тошнит? Если полегчало, я уложу тебя горизонтально.

Заросли язычковой травы вокруг них уже утихомирились и мягко шуршали, напоминая обычный земной луг. Эрвин лежал неподвижно довольно долго, прежде чем к нему вернулось полное осознание происходящего. Он скосил глаза на свое плечо.

— Я всё-таки испачкался?..

— Ага, — Шлиффен недовольно вытер рукав своего комбинезона. — И зачем тебе сдалось это дурацкое кресло? Лежал бы себе спокойно, для спины полезнее.

— Омеги устроены иначе, чем альфы. Нам требуется непрерывное введение подавителей. Когда я бежал, всё происходило слишком быстро, и я не успел захватить с собой портативную помпу. Пришлось импровизировать — датчики в сиденье этого кресла постоянно подпитывают мой организм нужными препаратами.

— И в таком положении ты всерьез переживаешь из-за возможной течки? — Шлиффен не сдержал короткого смешка. Это казалось нелепым.

— Говорят, в этот период я превращаюсь в круглого дурака.

— Почему «говорят»?

— Результаты симуляции. Во время одного из тестов в Ассоциации мы провели эксперимент... Хотя, по правде говоря, это было больше похоже на глупый студенческий розыгрыш.

— Эрвин, а твои нервы... их действительно нельзя восстановить?

— Помимо физического иссечения они использовали химическую блокаду синапсов. Так что нет, маловероятно. А что?

— Будь я на твоём месте, я бы предпочёл испытать эту твою течку хотя бы раз. Чисто ради того, чтобы почувствовать себя живым. Посуди сам: у тебя сейчас работает одна голова. Ну и насколько глупо может выглядеть человек, у которого из всех подвижных частей тела осталась только мимика?

Эрвин тихо, самокритично рассмеялся:

— Пожалуй, ты прав. Едва ли это будет выглядеть глупее, чем мой сегодняшний припадок.

Шлиффен поднялся на ноги и ушёл вглубь хижины. Вернулся он через пару минут, держа в руке пластиковую флягу. Аккуратно приподняв голову профессора, он предложил:

— Сделай глоток.

— Что это?

— Выпивка, — Шлиффен осторожно прижал горлышко к его губам.

Эрвин послушно глотнул и тут же зашелся в сухом, надрывном кашле:

— Кха! Кха!.. Что за отравка?

— Обычный медицинский спирт из аптечки, разбавленный питательным гелем, — Шлиффен хмыкнул и сам сделал приличный глоток. — Ещё хочешь?

Профессор замялся.

Тюремщик вновь поднес флягу к его лицу:

— Да брось... Терять тебе всё равно уже нечего.

После нескольких глубоких глотков по пищеводу разлилось жгучее тепло, плавно переходящее в приятный жар.

— Поверить не могу... Я пью медицинский спирт.

— И как тебе? — Шлиффен как раз допивал остатки смеси.

— В точности как моя жизнь. Редкое дерьмо, — выдохнул Эрвин, обдав собеседника густым спиртовым перегаром.

Шлиффен весело, во весь голос расхохотался:

— Ещё какое дерьмо! Ни разу толком не напивался, течки не знал, а теперь лежишь тут, парализованный, как кусок медузы.

— А у тебя самого... гон-то хоть раз был?

— Мне всего двадцать шесть, приятель. Наступит время — выберу отличный денек и знатно погуляю, так что не переживай за меня.

Эрвин тоже не сдержал улыбки.

— За время службы в Освальде я повидал немало побегов, — доверительно сообщил Шлиффен. — Но твой случай — бесспорно, самый жалкий провал в истории. Помню, один парень улучил момент во время пересменки и выскользнул из блока. Везучий был черт: проскочил все кордоны, миновал датчики и влез на двадцатиметровую внешнюю стену. Когда мы его обложили, он просто сиганул вниз.

— И что, тоже сломал позвоночник?

— Не-а. Разбился насмерть.

— Насмерть?

— В лепешку! Так что тебе повезло куда меньше, чем ему.

Эрвин на секунду опешил, переваривая услышанное, а затем разразился безудержным, искренним смехом.

Алкоголь быстро ударил в голову. Забыв обо всем, они долго и шумно смеялись, полулежа на мягкой траве.

— Кажется, я пьян... — пробормотал Эрвин, прикрывая глаза. — Надо же, впервые в жизни напился.

Шлиффен, судя по всему, тоже захмелел. Его руки, поддерживавшие профессора, ослабли, и голова Эрвина мягко соскользнула тюремщику на колени.

— Спи уже, — негромко выговорил Шлиффен, осторожно перебирая пальцами его жесткие темные волосы. Он говорил тихо, словно обращаясь к самому себе. — Планета, где я застрял, населена какими-то гребаными кремниевыми тварями, а жрать тут приходится одну апельсиновую жижу. Дерьмо... Какое же дерьмо. Как бы мне хотелось открыть глаза и понять, что всё это — просто дурной сон... Просто фальшивка...

Но кошмары имеют скверное свойство не заканчиваться по нашему желанию.

Анни с огромным трудом разомкнула веки. Долгое время она тупо созерцала серый потолок над головой, все еще не веря, что кошмар подошел к концу. Судя по характерной металлической обшивке, это был один из отсеков военного ведомства. Слегка повернув голову, она уперлась взглядом в массивную стальную решетку, перегородившую помещение.

Одиночная камера.

Она со стоном села на жесткой кушетке. На ней была стандартная госпитальная роба, а ноющая боль в теле притупилась — очевидно, ей уже ввели необходимые медикаменты.

Если всё происходящее происходило наяву, значит, Йоханнес окончательно лишился рассудка!

Не прошло и минуты с момента ее пробуждения, как в коридоре за решеткой раздался тяжелый, синхронный стук армейских ботинок. К камере приближалась целая делегация.

— Как поживаете, госпожа вице-председатель? — у стальных прутьев остановилась высокая блондинка.

Перед ней стояла Каролина Грин, Верховный судья Федерального правительства. На этой должности она бессменно восседала уже более семидесяти лет. Возможно, бесконечные дебаты по поправкам к конституции и многолетние политические баталии выжгли в ней излишнюю вспыльчивость — теперь бывшая ярость Каролины сменилась ядовитым, изысканным сарказмом.

Для чистокровного Альфы подобное хладнокровие было редчайшим даром.

— Откройте, — небрежно бросила она сопровождавшему ее офицеру. — Пока наша дорогая гостья не разнесла тут всё от праведного гнева.

Офицер нервно сглотнул, бросил быстрый взгляд вглубь коридора — видимо, сверяясь с невидимым начальством, — и послушно приложил карту к электронному замку. Дверь со скрежетом отъехала в сторону.

Войдя в камеру, Каролина предупреждающим жестом прижала палец к губам, пресекая готовую сорваться с уст Анни тираду:

— Сделай одолжение, Анни, не устраивай сцен. Пообещай, что не станешь орать на него и забереешь свой иск по поводу незаконного ареста. Иначе я умываю руки. А ты ведь знаешь, как сильно я люблю оставаться безучастной зрительницей чужого краха.

Анни глубоко вздохнула, подавляя клопочущую внутри ярость:

— Хорошо. Я обещаю.

— Она согласна замять дело, маршал. Можете входить, — крикнула Каролина в темный зев коридора.

На пороге появился Йоханнес Зект.

Одного взгляда на него хватило, чтобы лицо Анни снова залила краска гнева:

— Ты!..

— Без прелюдий, — бесцеремонно оборвала её судья. — Сначала выслушай, что у него стряслось.

Лицо маршала было бледным, почти серым от едва сдерживаемого бешенства.

— В тот самый момент, когда флагман флота готовился войти в горизонт событий Большой черной дыры, управляющая система второго поколения внезапно выдала команду на экстренное торможение. Прыжок сорван! Но и это еще не самое худшее, — голос Йоханнеса сорвался на хриплый, угрожающий шепот. — Из-за этого резкого сброса скорости сингулярность сколлапсировала! Твою мать, Анни Шуберт! Кому, как не тебе, знать, что означает коллапс Большой черной дыры?! Ближайшая стабильная червоточина находится в семи световых годах отсюда! А у меня жесткие сроки — через месяц я обязан доставить снабжение на передовую! Я хочу знать, какого черта ты натворила?!

— Потихе, маршал, держи себя в руках, — Каролина плавно шагнула вперед, заслоня собой кушетку, и повернулась к заключенной: — Расскажи ему, Анни. Что там произошло на самом деле?

Анни тяжело опустила плечи и устало выдохнула:

— Всё шло строго по плану. Я провела операцию по удалению лобной доли у Прототипа. Процедура завершилась успешно, но сразу после этого показатели жизнедеятельности Модели Ноль упали до нуля. А в следующий миг наши сенсоры зафиксировали, что аппаратная часть подверглась вирусной атаке. Вирус перехватил управление над насекомыми Гатлинга.

— Вирусная атака на изолированную аппаратную часть? — Йоханнес издал ядовитый смешок.

— Первым пунктом нашего протокола стояло полное, абсолютное отключение от внешних сетей. Объясни мне, гений науки, откуда там взяться внешнему сигналу?

— Дай ей договорить! — Каролина властно осадила военного, заставив его сделать шаг назад.

— Это была спящая программа, — тихо произнесла Анни. — Он заложил её туда заранее.

— Спящая программа?! — Йоханнес сорвался на крик, его глаза налились кровью. — Спящая программа?! Опять эта чушь! Ассоциация академий пытается убедить меня, будто этот человек умудрился просчитать всё еще полвека назад?! И электромагнитную бурю, и поведение насекомых Гатлинга? Он что, ясновидящий?! До секунды знал, когда ты ступишь на Фамагусту, когда начнешь операцию, когда скомандуешь отход?! Рассчитал точное время вхождения флота в сингулярность, чтобы заставить систему второго поколения ударить по тормозам?! Извини, но это гребанный бред!

Каролина железной хваткой удержала маршала на месте, не давая ему сократить дистанцию.

— Да. Это звучит как полнейший абсурд, — тусклым, лишенным эмоций голосом отозвалась Анни. Она сидела, уставившись в пол, словно вся прошлая уверенность разом покинула её.

— Не обращай внимания на его крики, — Каролина повернулась к ней всем корпусом. — Но нам действительно нужны ответы, Анни. И не только взбешенным войскам, но и всему Федеральному правительству. Если бы ситуация не была настолько дикой, я бы ни за что не уговаривала тебя замять этот арест. Ты же знаешь, как я не выношу, когда армейские чины вытирают ноги о закон.

Анни устало потерла виски, на её губах проступила горькая, самокритичная усмешка:

— Сказать по правде, когда до меня дошел весь масштаб его замысла, мне самой захотелось рассмеяться. Едва ступив в командный пункт, я лично заблокировала все каналы внешней связи. Каким бы гением ни был Эрвин, он не способен взломать ядро системы без физического доступа. Единственный вариант — предустановленный алгоритм. Но никто, даже он, не способен составить хронологически точный прогноз на пятьдесят лет вперед. Значит, истина в другом. Инициатором и главным триггером этого механизма... стала я сама.

— Поясни.

— Военную систему «Оуэн» разрабатывали мы двое: Эрвин заложил фундаментальную логику кода, а я довела до ума аппаратную часть. Наш Прототип, несмотря на биочип, обладает полноценной эмпатической матрицей. Он прекрасно помнит меня. Он признает мой авторитет. Изначально Эрвин прописал в алгоритме приказ на уничтожение базы силами насекомых Гатлинга при моем появлении. Но Прототип заблокировал эту команду — его эмпатия не позволила ему навредить мне.

Однако Эрвин предвидел и это. Спровоцировав инцидент во время электромагнитной бури, он превратил сам Прототип в одну гигантскую системную ошибку, блокирующую восстановление системы второго поколения. Чтобы устранить сбой и вернуть контроль над базой, у нас оставался единственный выход — провести операцию, вырезав у биочипа долю, отвечающую за чувства.

При этих словах Анни заметно вздрогнула, по её спине пробежал мороз.

— Как только Прототип лишился эмпатии, он превратился в послушную марионетку Эрвина. Пятьдесят лет спавшая директива активировалась без малейших колебаний. Чтобы спастись от взбесившихся насекомых Гатлинга, мы применили электромагнитную импульсную бомбу. Но Эрвин просчитал и это! Он знал, что без сдерживающего фактора базу тут же наводнят обитающие на Фамагусте складчатожаберные многоноги. И когда твари прорвали периметр, мне, чтобы выжить и перезапустить комплекс, пришлось напрямую синхронизировать свое сознание с Прототипом и экстренно подключить его к глобальной системе второго поколения...

— И тогда сработал финальный триггер? — Каролина, кажется, начала понимать логическую цепочку. — Условием для экстренной реактивации защитного купола и подавления многоногов со стороны системы второго поколения Эрвин прописал немедленный сброс скорости флагмана? Новейшая система унаследовала ту же эмпатическую привязку к тебе, что и Прототип. Она физически не могла позволить тебе погибнуть. Выходит, твоя собственная жизнь стала рычагом, которым Эрвин заставил ИскИн отдать команду на торможение?

— Именно. Я сама загнала себя в капкан, став идеальным заложником в его руках.

Йоханнес слушал этот безумный разбор полетов с выражением полнейшего недоумения:

— погоди. То есть если бы ты провалила операцию и погибла там, флот бы спокойно совершил прыжок, а пространственный прокол остался бы цел?

— Да, именно так, — Анни криво, вымученно улыбнулась. — Но в таком случае он бы просто избавился от главного и самого опасного своего противника в моем лице. При любом раскладе эта партия оставалась за ним.

В камере воцарилось тяжелое, давящее молчание.

— Не смей недооценивать его, Йоханнес, — тихо добавила Анни. — Он создал систему «Оуэн» с нуля. Логические капканы — это его родная стихия. Семь световых лет... Похоже, в этот раз он решил сыграть по-крупному.

<http://bllate.org/book/18311/1756268>